

УБИЙСТВО В ХАРТВЕЛЛЕ

ДЕТЕКТИВ

ЕКАТЕРИНА МУНТЯН

Екатерина Мунтян

Убийство в Хартвелле

«Автор»

2026

Мунтян Е.

Убийство в Хартвелле / Е. Мунтян — «Автор», 2026

Ноябрьский туман окутал Хартвелл-Мэнор, когда в библиотеке старого поместья нашли мёртвого хозяина. Дом хранит множество тайн. Здесь помнят давнюю смерть Элеоноры Хартвелл. Здесь знают о семейных конфликтах, долгах и несбывшихся обещаниях. Здесь каждый привык молчать о том, о чём говорить опасно. У каждого есть причина желать ему смерти. Но только один человек мог заранее продумать способ убийства и одновременно создать себе безупречное алиби. За расследование берётся частный детектив Генри Рид — человек, который не доверяет очевидным ответам и привык проверять каждую деталь.

© Мунтян Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
Смерть в библиотеке	5
ГЛАВА 2	12
Четыре минуты	12
ГЛАВА 3	17
Первый след	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Екатерина Мунтян

Убийство в Хартвелле

ГЛАВА 1

Смерть в библиотеке

В Хартвелл-Мэноре тишина никогда не была просто отсутствием звука. За двести лет своего существования этот дом из тёмного, пористого суссекского песчаника научился впитывать человеческие голоса, шаги и вздохи, превращая их в тяжелое, неподвижное молчание. По вечерам, когда южный туман поднимался от реки Белл и густым саваном ложился на холмы вокруг Беллмура, поместье казалось вырезанным из сумерек монолитом, окончательно отрезанным от остального мира.

Без десяти восемь вечера в библиотеке на первом этаже горела только одна настольная лампа с абажуром из зелёного стекла. Её мягкий, почти хирургический свет выхватывал из темноты полированную поверхность массивного письменного стола из махагони, стопку гербовой бумаги, бронзовый колокольчик для вызова слуг и тяжелое кожаное кресло с высокой спинкой.

В кресле сидел Ричард Хартвелл. В свои шестьдесят два года он сохранил прямую осанку человека, привыкшего отдавать приказы и не терпящего возражений. Его седеющие каштановые волосы были гладко зачёсаны назад, а на строгом, испещрённом глубокими морщинами лице застыло выражение холодной, отстранённой сосредоточенности.

Перед Ричардом лежал документ, которому предстояло поставить точку в двухсотлетней истории семьи. Проект договора купли-продажи Восточного выгона. Четыреста акров плодородной земли, соснового леса и старого парка, примыкавшего к поместью.

Ричард аккуратно поднёс к глазам перламутровое пенсне и прочёл параграф, касающийся границ передаваемого участка. Покупателем выступал лондонский девелоперский синдикат, намеревавшийся застроить выгон типовыми вилами. С финансовой точки зрения решение было безупречным: содержание Хартвелл-Мэноре ежегодно поглощало астрономические суммы, крыша восточного крыла требовала капитального ремонта, а счета за отопление и налоги увеличивали брешь в семейном бюджете. Продажа земли давала нужный капитал.

Он не чувствовал сожаления. Сожаление, по мнению Ричарда, было эмоцией слабых людей, не способных смотреть в лицо сухой математической реальности.

Дверь библиотеки, ведущая в центральный холл, тихо скрипнула. В комнату вошла Мэри Белл.

Служанке было пятьдесят восемь лет, и последние тридцать из них она провела в этих стенах. В руках она держала поднос из тёмного дерева, на котором стоял фарфоровый чайник, чашка и небольшой хрустальный графинчик с лекарственной микстурой, которую Ричард принимал от повышенного кровяного давления.

— Я принесла ваш вечерний чай, мистер Хартвелл, — тихо произнесла Мэри, останавливаясь у края стола.

Ричард не поднял головы от документов.

— Положи полешки в камин, Мэри. В комнате сыро.

— Да, сэр. Я принесла дубовые. Четыре хороших, сухих полена. Положить всё?

— Положи всё, — сухо отозвался он. — И можешь быть свободна до утра.

Мэри Белл опустилась на колени перед камином. Сноровистыми, привычными движениями она расчистила кочергой утреннюю золу, уложила на железную решётку четыре тяжелых дубовых бруса и поднесла спичку к сухой бересте. Сухое дерево мгновенно схватилось, и по библиотеке поплыл густой, уютный запах дубового дыма и смолы.

Мэри поднималась медленно, вытирая руки о белоснежный фартук. Она окинула быстрым, внимательным взглядом рабочий стол: два хрустальных стакана с толстым дном, один из них оставался чистым после дневного разговора, поднос с чаем, аккуратную стопку документов.

— Мистер Эдвард у себя в комнате, сэр, — как бы между прочим заметила она. — Он спрашивал, будете ли вы ужинать.

Лицо Ричарда слегка потемнело. Морщина между бровями врезалась глубже.

— Я ясно дал понять Эдварду, что наш дневной разговор окончен. Мне не о чем больше говорить с сыном, пока он не научится распоряжаться собственной жизнью, а не рассчитывать на мой кошелёк. Передай ему, чтобы он не беспокоил меня до завтрашнего утра.

— А мисс Клара? Она вернулась из Беллмура полчаса назад.

— Клара знает, где меня найти, если у неё возникнет желание пообщаться, — отрезанно произнёс Ричард. — Хотя, подозреваю, её молчание устроит нас обоих куда больше. Спасибо, Мэри. Ты можешь идти.

Служанка тихо поклонилась, сделала шаг назад и вышла, мягко прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь.

Ричард остался один. Настенные часы в углу библиотеки, заключённые в высокий футляр из тёмного ореха, глухо отбивали секунды: тик-так, тик-так.

Через некоторое время в боковую дверь библиотеки, скрытую за тяжелым гобеленом с изображением сцен охоты, постучали. Постучали трижды — коротко и сдержанно.

— Войдите, Джонатан, — не громко сказал Ричард, не отрываясь от бумаги.

Гобелен колыхнулся, и из узкого дверного проёма, ведущего прямо в стеклянную оранжерею, вышел Джонатан Прайс. Управляющий Хартвелл выглядел строгим и подтянутым, несмотря на свои пятьдесят пять лет. На нём был привычный тёмно-серый шерстяной пиджак, идеально выглаженные брюки и туфли на толстой кожаной подошве, которые не издавали почти ни звука при ходьбе.

Прайс держал под мышкой кожаную папку с финансовыми отчётами по поместью. Его лицо, как всегда, напоминало маску из сухой, выбредшей на солнце кожи: ни одна мышца не дрогнула, когда он подошёл к столу.

— Документы по описи имущества готовы, мистер Хартвелл, — произнёс Прайс. Голос у него был низкий, глухой, совершенно безэмоциональный. — Я проверил счета за последний квартал.

— Положите здесь, — Ричард указал рукой на край стола. — Вы говорили с агентом по продаже Восточного выгона?

— Да, сэр. Представитель компании приезжал днем. Он осмотрел территорию.

Прайс на секунду сделал паузу. Эта пауза длилась всего пару мгновений, но человек с острой наблюдательностью замешкался бы на ней.

— Он проявлял особый интерес к территории старого парка, сэр. Там, где находится розарий миссис Элеоноры и старая беседка.

Ричард наконец поднял глаза от договора и снял пенсне. Его взгляд стал холодным и твёрдым, как сталь.

— И что из этого, Джонатан?

— Они намерены снести розарий, мистер Хартвелл. На этом месте планируют проложить подъездную дорогу для строительной техники.

— Это их право, — спокойно сказал Ричард, аккуратно складывая перламутровое пенсне в футляр. — Когда сделка будет закрыта, эта земля перестанет быть нашей заботой. Розарий не приносит дохода, Джонатан. Он требует работы двух садовников и затрат, которые поместье больше не может себе позволить.

Прайс стоял абсолютно неподвижно. Его пальцы, сжимавшие край кожаной папки, чуть сильнее побелели в суставах, но лицо оставалось абсолютно непроницаемым.

— Миссис Элеонора высаживала эти розы лично, сэр, — тихо напомнил управляющий. — Некоторые сорта были привезены из Франции специально для неё. За три года до её смерти...

— Я отлично помню, откуда были привезены эти розы, Прайс! — в голосе Ричарда впервые прорвалось раздражение. Он резко оперся ладонями о стол. — Мне не нужны напоминания о моей покойной жене. И уж тем более я не намерен строить финансовое управление семейным имуществом на сентиментальных воспоминаниях!

Прайс молчал. Он смотрел не на Ричарда, а куда-то чуть в сторону — на книжную полку, где за стеклом в тёмных переплётах стояли собрания английской классики.

— Я понял вас, сэр, — произнёс Прайс безукоризненно ровным, глухим тоном. — Продажа земли состоится на ваших условиях.

— Именно так, — Ричард снова взялся за ручку, давая понять, что тема исчерпана. — И ещё одно, Джонатан. Касательно вашего контракта. Я принял окончательное решение. С первого числа следующего месяца ваш контракт управляющего прекращается. Поместье сокращает расходы. Я выдам вам хорошие рекомендации и выходное пособие за шесть месяцев. Это более чем щедро, учитывая ваши годы службы.

Прайс не моргнул. Его лицо оставалось непроницаемой маской, за которой невозможно было разглядеть ни одной человеческой эмоции. Лишь едва заметное движение желваков на скулах выдало то чудовищное напряжение, с которым он удерживал себя в руках.

— Вы очень добры, мистер Хартвелл.

— Я просто рационален, Джонатан. Поместью нужны перемены, а не старые привычки. Теперь вы можете идти. И закройте дверь оранжереи. Порывы ветра усиливаются, я не хочу, чтобы ночью сквозило.

— Я запру оранжерею, сэр, — отозвался Прайс.

Он развернулся и тихо прошёл к боковой двери. Тяжелый гобелен с изображением сцен охоты на секунду приподнялся, впуслав из оранжереи легкий ветерок с ароматом сырой земли, хризантем и сушёной лаванды, а затем снова опустился, закрывая скрытый проход.

Ричард Хартвелл остался в библиотеке один.

Настенные часы в углу глухо отбивали секунды. Разговор с Прайсом не вызвал у Ричарда ни угрызений совести, ни сожаления. Управляющий служил семье четверть века, но поместье приходило в упадок, и удержание на службе человека, мысленно застрявшего в прошлом десятилетии, Ричард считал глупой и непрактичной роскошью.

Он поднялся из-за стола, подошёл к сервировочному столику у камина и налил себе три пальца односолодового виски в массивный хрустальный стакан с толстым дном. Затем он взял небольшой хрустальный графинчик и отмерил в виски чайную ложку прозрачной микстуры от давления, которую ему ежедневно готовил беллмурский аптекарь.

Это был его привычный вечерний ритуал. Микстура должна была успокоить нервную систему и немного снизить давление, а виски мягко сглаживал её сухой, травянистый вкус.

Ричард поднёс стакан к губам и сделал глоток.

На секунду он нахмурился. На самом кончике языка осталась странная, еле уловимая сухая горчинка, похожая на разжёванную косточку дикой вишни или кору миндального дерева. Вкус показался чуть более резким, чем обычно, но Ричард списал это на новую партию трав, из которых аптекарь приготовил снадобье. Он сделал второй, более глубокий глоток, вернулся

к рабочему столу и поставил стакан на зеленое сукно рядом с другим стаканом, оставшимся абсолютно чистым с прошлого вечера.

Откинувшись на спинку кожаного кресла, Ричард закрыл глаза.

Его мысли против воли вернулись к собственным детям, чье присутствие в доме в последние дни превратило Хартвелл-Мэнор в поле бесслышной, но беспощадной войны.

Эдвард... Сын был полнейшим разочарованием. В свои тридцать четыре года он не имел ни профессии, ни характера, ни элементарной ответственности. Избалованный деньгами покойной матери, Эдвард привык жить на широкую ногу в Лондоне, оставляя за собой шлейф карточных долгов и сомнительных знакомств. Сегодняшний дневной разговор в библиотеке был окончательным: Ричард объявил сыну, что прекращает его содержание. Никаких больше выплат. Никаких покрытых счетов. Эдварду было указано на дверь.

И Клара...

При мысли о дочери грудь Ричарда сдавила привычная, сухая боль. Кларе было тридцать один. Умная, сдержанная, с холодным и проницательным взглядом — она была слишком похожа на него самого. И именно поэтому она не могла простить ему то, что произошло пять лет назад в этом самом доме.

Болезнь Элеоноры.

Когда тяжелая форма рассеянного склероза превратила жизнь его жены в непрекращающийся кошмар из боли и беспомощности, Элеонора молила его об одном: прекратить экспериментальное лечение. Насильственные инъекции, мучительные процедуры, возившие её по клиникам Европы, — всё это лишь продлевало её агонию. Элеонора просила позволить ей уйти спокойно, без боли.

Клара стояла у кровати матери и слышала эти просьбы. Она умоляла отца прислушаться к желанию умирающей женщины.

Но Ричард отказался. Пойти на попятную, отказаться от борьбы, пока существовал хотя бы ничтожный шанс на спасение, означало проявить слабость и расписаться в собственном бессилии. Он продолжал лечение до последнего дня, пока сердце Элеоноры не остановилось в страшных мучениях.

Клара считала его палачом. Ричард же искренне верил, что исполнял свой долг мужа — боролся за жизнь жены до самого конца, не имея права самостоятельно решать, когда её жизнь теряет ценность.

«Она поймёт , — подумал Ричард , глядя на пляшущие языки пламени в камине . — Когда - нибудь она поймёт . Именно поэтому я переписал завещание на неё . Поместье должно достаться той , у кого есть воля его удержать . Не Эдварду . Кларе» .

Новое завещание, составленное нотариусом позавчера, лишало Эдварда почти всего наследства в пользу дочери. Ричард не знал, успел ли Эдвард пронюхать об этом, но атмосфера в доме за ужином была натянута как струна.

Дубовые дрова, уложенные Мэри Белл, жарко горели в камине, наполняя библиотеку сухим теплом и густым ароматом смолы.

Джонатан Прайс в 20:15 покинул территорию поместья через служебную калитку и неторопливым шагом направился в сторону Беллмура.

В пабе «Белл энд Краун» было шумно, тепло и пахло элем, трубочным табаком и жареной грудинкой. Постоянные посетители привыкли видеть управляющего Хартвелл-Мэнора по вечерам в середине недели. Прайс сдержанно кивал знакомым фермерам, перекинулся несколькими словесными фразами о погоде и предстоящих заморозках с хозяином заведения, после чего спокойно занял свой традиционный столик у окна. Отсюда открывался вид на всю освещённую редкими фонарями городскую площадь Беллмура. Он неторопливо пил эль, время от времени доставая из кармана тёмный платковый лоскут и протирая и без того чистые стекла своих очков.

В самой же библиотеке Хартвелл-Мэнора с уходом управляющего установилась глубокая, почти осязаемая тишина.

Ричард Хартвелл сидел в кресле перед угасающим огнём. На полированной поверхности письменного стола из махагони рядом с аккуратной стопкой документов стоял массивный хрустальный стакан. Ричард поднёс его к губам, сделал несколько глотков своего вечернего напитка, смешанного с лекарственной микстурой, и поставил стакан на зеленое сукно — прямо рядом с другим хрустальным стаканом, который оставался абсолютно чистым и нетронутым.

Он откинулся на высокую кожаную спинку кресла и прикрыл глаза, ожидая, пока спадёт дневное напряжение.

Спустя несколько минут дыхание хозяина дома изменилось. Оно стало тяжелым, прерывистым, словно человек в кресле пытался сделать глубокий вдох, но не находил достаточно воздуха. Морщина между его бровями врезалась глубже. Ричард слабо повёл плечом, его пальцы судорожно сжались на подлокотниках.

Он попытался приподняться, но тело не послушалось. Рука Ричарда неуверенно слепо полоснула по сукну стола, ища бронзовый вызовный колокольчик. Пальцы на секунду задели гладкий латунный купол, но не смогли удержать его.

Колокольчик соскользнул с края письменного стола и с коротким, глухим звяканьем упал на мягкий восточный ковёр у подножия кресла.

Голова Ричарда Хартвелла бессильно запрокинулась назад. Его глаза оставались открытыми, но взгляд упёрся в тёмный верхний угол комнаты, где на высоких полках стояли старинные переплёты.

Настенные часы в ореховом футляре продолжали отбивать секунды: тик-так, тик-так.

Постепенно пламя в камине стало опадать. Четыре тяжелых дубовых бруса, прогорали, выбрасывая в дымоход редкие языки тёмно-бордового огня.

Ночь окончательно вступила в свои права над югом Англии. Густой ноябрьский туман, поднявшийся от реки Белл, полностью затянул холмы и парк вокруг поместья. Огромный каменный дом погрузился в мрак и безмолвие.

Без четверти одиннадцать в библиотеке появился странный сквозняк. Порыв воздуха с силой ударил в высокие стрельчатые рамы, и где-то в глубине дома, со стороны оранжереи, раздался слабый, еле различимый свист. Тяжелый гобелен с изображением сцен охоты, висевший на боковой стене библиотеки, слегка качнулся, а затем снова замер.

Дым из камина, вместо того чтобы подниматься прямо в трубу, стал слегка прижиматься к полу. Дубовые дрова в камине прогорали с необычной быстротой. Огонь сменился жаром, а затем горячие угли под воздействием ночного сквозняка начали покрываться ровным, плотным слоем белой, невесомой золы.

Температура в комнате стала неуклонно снижаться. Хрустальные стаканы на столе, полированная доска махагони, кожаные подлокотники кресла — всё постепенно впитывало в себя пронизывающий холод.

Около полуночи в коридоре первого этажа раздались шаги. Они были неровными, торопливыми и скраденными. Ручка главной дубовой двери библиотеки беззвучно повернулась.

Кто-то вошёл в абсолютную темноту комнаты, не зажигая верхнего света.

В полумраке библиотеки слышалось тяжелое дыхание. Ночной гость сделал два шага к письменному столу, качнулся и в темноте с силой наступил на что-то твёрдое, лежащее на ковре.

Раздался сухой, металлический хруст. Тяжелый каблук сапога с силой вдавил упавший бронзовый колокольчик в ворс ковра, оставив на его полированной поверхности тёмный ком сырой грязи.

Человек тихо чертыхнулся. В темноте щелкнуло колёсико зажигалки.

Яркий, дрожащий язычок жёлтого пламени на секунду выхватил из мрака пространство у стола: края бумаг, хрусталь, бледную руку, свисающую с подлокотника, и застывшее, неподвижное лицо Ричарда Хартвелла.

Зажигалка дрогнула в пальцах вошедшего. Из его груди вырвался короткий, сдавленный звук — смесь испуга и полного отчаяния.

Кремень погас. В библиотеке снова воцарилась полная тьма.

Затем раздался торопливый, панический стук сапог по паркету, глухой удар о косяк двери и шум удаляющихся шагов, быстро затихших в глубине холла.

После этого в комнате снова установился прежний порядок: мерный стук настенных часов, еле слышное шуршание гобелена и тихое остывание каминной золы.

За окнами библиотеки постепенно посветлело до той особой, предрассветной синевы, которая всегда предшествует сырому осеннему утру. Ноябрьский рассвет пробивался сквозь туман медленно и неохотно.

В шесть часов тридцать минут утра в служебном крыле поместья началась обычная повседневная жизнь.

Мэри Белл проснулась в своей небольшой комнате на первом этаже за кухней. Накинув поверх тёмного платья чистый, накрахмаленный фартук и повязав головной убор, она вышла в служебный коридор. В доме стоял пронизывающий холод. Мэри зажгла масляный фонарь, взяла цинковое ведро с совком и кочергой и охапку сухой бересты для розжига каминов.

Её утренний маршрут не менялся десятилетиями. Сначала нужно было проверить и растопить камин в центральном холле, затем — в малой гостиной, и только после этого — в библиотеке хозяина, чтобы к моменту, когда мистер Хартвелл спустится к завтраку, комната уже была наполнена теплом.

Шаги служанки, глушённые мягкими туфлями, почти не издавали звука на паркете.

Пройдя через полутёмный центральный холл, Мэри повернула в правый коридор, ведущий к библиотеке. Подошла к двери, но на подходе приостановилась. Из-под тяжелой дубовой створки тянуло не просто ночной прохладой — оттуда дул настоящий ледяной сквозняк, несущий с собой сырой запах мокрого камня и застоявшейся оранжерейной земли.

— Неужели мистер Ричард опять забыл закрыть окно? — тихо пробормотала Мэри себе под нос.

Она поставила ведро на паркет и взялась за массивную латунную ручку. Ручка оказалась неожиданно холодной, словно пролежала всю ночь на улице.

Мэри толкнула от себя тяжелую створку.

Дверь бесшумно подалась назад.

Комната была погружена в серые, неуютные сумерки. Единственным источником искусственного света оставалась настольная лампа с зелёным стеклянным абажуром, всё ещё горевшая на рабочем столе, да тусклое утреннее свечение, пробивавшееся сквозь окно.

В библиотеке было холодно, как в склепе.

Мэри сделала два шага внутрь и сразу заметила, что нижний край тяжелого гобелена на боковой стене слегка колышется от потока воздуха, идущего из-за скрытой боковой двери. В камине вместо уютных углей белела ровная, сдутая в сторону пыль.

Но её взгляд тут же переместился к центру комнаты.

Ричард Хартвелл сидел в своём глубоком кожаном кресле за письменным столом. Его фигура казалась абсолютно неподвижной. Голова была сильно запрокинута назад. Правая рука бессильно свисала вдоль подлокотника.

— Мистер Хартвелл? — тихо, с запнувшейся интонацией позвала Мэри.

Ответа не последовало. Настенные часы в углу продолжали отбивать свои ровные секунды.

Служанка сделала ещё шаг к столу. В сером свете утра она разглядела бледное, синеватое лицо хозяина дома и его открытые, застывшие глаза. На рабочем столе стояли два хрустальных стакана. На ковре у ног лежал перевернутый бронзовый колокольчик, на латуни которого темнел ком засохшей грязи.

Мэри Белл не сразу осознала увиденное. Несколько секунд она просто стояла, глядя на застывшие черты человека, которому прослужила тридцать лет.

Затем её пальцы разжались.

Охапка бересты рассыпалась по паркету. Мэри сделала шаткий шаг назад, больно ударилась коленом о цинковое ведро. Металл с оглушительным грохотом покатился по доскам коридора.

— Господи... — вырвался из её груди сухой, прерывистый хрип. — Господи милостивый... Кто-нибудь!

Её крик — тонкий, пронзительный, полный нескрываемого ужаса — взвился к высоким лепным потолкам библиотеки и эхом разнёсся по погружённому в сон Хартвелл-Мэнору.

На втором этаже почти мгновенно захлопали двери. Раздались поспешные, тяжелые шаги, чьи-то тревожные голоса. Дом, ещё минуту назад казавшийся мёртвым каменным истуканом, быстро наполнялся шумом и паникой.

Спустя пятнадцать минут в кабинете полицейского участка Беллмура зазвонил чёрный настенный телефон. Дежурный констебль снял трубку, выслушал сбивчивую речь служанки и тут же отправил посыльного к дому инспектора Джеймса Картера.

В доме, неподалёку от центральной площади Беллмура, инспектор Джеймс Картер только застёгивал пуговицы своего тёмно-серого жилета. Ему было сорок пять лет, и за пятнадцать лет службы в полицейском управлении графства он привык к тому, что по-настоящему дурные вести никогда не приходят в удобное время.

В дверь его коттеджа застучали — резко, торопливо, с той особой отчаянной частотой, которая бывает только у молодых констеблей, принёсших плохую новость.

Картер отставил недопитую кружку чёрного кофе, прошёл через узкую прихожую и отпер засов.

На пороге стоял молодой констебль Миллер. Его велосипед брошенной тушей лежал прямо на мокрой траве палисадника. Парнишка тяжело дышал, а от его тёмно-синего полицейского кителя валил пар в холодном утреннем воздухе.

— Инспектор, сэр! — Миллер сорвал с головы фуражку. — Из Хартвелл-Мэнора... Только что звонила служанка, Мэри Белл. Мистер Ричард Хартвелл... он мёртв, сэр.

Картер даже не зажмурился, лишь чуть сильнее сжал латунную ручку двери.

— Когда его нашли?

— Полчаса назад. В библиотеке, сэр. Мэри Белл зашла растопить камин, а он сидит за столом. Служанка кричит, что он ледяной и не дышит.

— Она сказала что-нибудь ещё?

— Сказала, что в доме холодно, как на улице, сэр, и из библиотеки дует, будто окно выбито. А мистер Эдвард и мисс Клара сейчас там, в Мэноре, подняли всех на ноги.

Картер помолчал две секунды, глядя на туман, стекавший по улице к реке Белл. Ричард Хартвелл был самым влиятельным и богатым человеком в округе. Человеком с железной хваткой, тяжелым характером и целым списком тех, кто мечтательно желал ему скорейшей кончины — начиная от собственного сына и заканчивая увольняемыми слугами. Любая ошибка в первые часы расследования в таком доме могла стоить Картеру карьеры.

— Миллер, — твёрдо произнёс инспектор. — Садись на велосипед, дуй в Мэнор. Никого не впускать в библиотеку. Ничего не трогать. Если мистер Эдвард попытается зайти — встань в дверях и не сходи с места. Я буду через двадцать минут.

— Слушаюсь, сэр!

ГЛАВА 2

Четыре минуты

Утро Генри Рида не терпело суеты. В сорок восемь лет человек либо учится управлять собственным временем, либо начинает подчиняться его разрушительному хаосу. Генри предпочитал первый вариант, построив свою жизнь на системе простых, нерушимых и проверенных годами привычек.

Дом № 14 на Милл-Стрит — узкий двухэтажный таунхаус из тёмно-красного георгианского кирпича — спал вместе с остальным Беллмуrom. Справа от белой входной двери блестяла отполированная до блеска латунная табличка:

H. REED

PRIVATE INQUIRIES

За окнами кухни первый ноябрьский туман медленно полз над узкой мостовой, оседая тяжелыми каплями на чугунной оградке палисадника. Внутри дома пахло старым дубом, воском для мебели и свежесваренным чаем.

На кухне первого этажа, окном выходившей в небольшой, аккуратно подстриженный задний сад, тихо закипал латунный чайник. Генри Рид стоял у плиты. Высокий, худощавый, с правильными, будто слегка выточенными чертами лица и каштановыми волосами, в которых у висков уже проступала серебряная седина, он выглядел человеком, чья собранность была не маской для окружающих, а естественной формой существования.

Генри налил кипяток в фарфоровый заварник, закрыл крышку и сел за стол, дав чаю настояться.

Пока чай набирал силу, он занялся тостами. Два кусочка белого хлеба отправились в старый тостер. Через пару минут пружина сухо щелкнула. Генри достал золотистые хлебцы, положил их на фаянсовую тарелку и тонким слоем нанёс сливочное масло. Оно тут же впиталось, оставляя глянцевый блеск. Затем пришла очередь апельсинового мармелада — с легкой горчинкой, изготовленного в небольшой лавке на городской площади Беллмура.

Генри сел на своё постоянное место у окна. С этого стула ему был виден и садик, и круглые настенные часы над буфетом.

Он развернул свежий номер «Беллмурского вестника». Как и всегда, Генри начал чтение с самого конца — с последней страницы. Парадные заголовки на первой полосе обычно писались для того, чтобы произвести впечатление, в то время как истинная жизнь Беллмура с его восемнадцатью тысячами жителей пряталась в коротких заметках на задних страницах. Там сообщалось о продаже скота на ферме в Верхнем выгоне, о ремонте крыши церкви Святого Михаила и о результатах местного садоводческого конкурса.

Генри сделал глоток горячего чая.

Он опустил руку и взглянул на свое левое запястье. Старые наручные часы на потёртом кожаном ремешке тихо тикали под манжетой рубашки. Они достались ему от отца. Часы были идеальны во всём, за исключением одной детали: они постоянно, день за днём, отставали ровно на четыре минуты.

Генри внимательно смотрел на часы и вспомнил, как десять лет назад, в возрасте тридцати восьми лет ещё служил полицейским детективом, именно четыре минуты спешки и слепой уверенности в очевидных уликах привели к тяжелейшей ошибке. Находясь под впечатлением от собранных доказательств, он поторопился с арестом подозреваемого. Человека взяли под стражу, а настоящий преступник, находившийся среди тех, кому Генри бездумно доверял, успел скрыться. Позже невиновность арестованного доказали, но тот случай навсегда изменил

Рида. Он добровольно ушёл из полиции, и занялся частной практикой. А эти четыре минуты отставания на запястье стали его постоянным напоминанием: никогда не торопись с выводами, проверяй каждую деталь и никогда не верь первой версии, пока не выслушаешь тишину между словами.

Генри взглянул на циферблат. Часы показывали 07:56. Значит, на самом деле было ровно восемь часов утра. Он давно привык мысленно прибавлять эти четыре минуты.

В этот самый момент в глубине прихожей раздался стук. Три сухих, тяжелых удара деревянным молотком в парадную дверь.

Генри аккуратно положил нож для мармелада на край тарелки, поднялся и пошёл открывать.

На пороге стоял инспектор Джеймс Картер. На нём был тёмно-серый непромокаемый плащ, покрытый мелкими капельками ноябрьского тумана. В руках инспектор держал фетровую шляпу, которую слегка сжимал в пальцах.

Они знали друг друга много лет. Картер был компетентным и честным полицейским, не лишенным здравого смысла. Генри знал, что Картер обращался к нему только в редких случаях, и только потому, что доверял его опыту, наблюдательности и необычному взгляду на людей.

— Я помешал твоему завтраку, Генри, — проговорил Картер.

— Второй тост ещё не остыл, Джеймс, — спокойно ответил Рид, отступая в сторону и освобождая проход. — Входи. На улице сыро.

Картер переступил порог, снял плащ и повесил его на вешалку. В прихожую вместе с ним проник холодный, влажный запах утреннего города — запах прелой листвы и мокрого асфальта.

— Чай? — предложил Генри.

— Не откажусь. Но у нас мало времени.

Они прошли на кухню. Картер тяжело опустился на стул напротив окна, положив большие ладони на полированный стол. Генри налил ему чашку свежего чая и сел напротив, храня терпеливое молчание.

— Час назад поступил звонок из Хартвелл-Мэнора, — заговорил инспектор. — Звонила служанка, Мэри Белл. Ричарда Хартвелла нашли мёртвым в его собственной библиотеке.

Генри чуть приподнял бровь. Имя Ричарда Хартвелла в Беллмуре знали все. Владелец старинного поместья в трёх километрах от города, человек обеспеченный, влиятельный и сложного нрава.

— Сердечный приступ? — спросил Рид. — Ему было шестьдесят два, если я не ошибаюсь. У него были проблемы со здоровьем.

— Возможно, — Картер поднял взгляд, сделал паузу и выпил глоток чая.

— На полу у ног Ричарда лежит перевернутый бронзовый колокольчик. На латуни отчетливо виден свежий ком грязи с мужского сапога. Кто-то наступил на него. Но в доме утверждают, что после десяти вечера в библиотеку никто не входил.

Генри Рид молчал несколько секунд. Его карие глаза чуть сузились. Он не стал задавать спешных вопросов — для них ещё не пришло время. Он просто взвешивал услышанное.

— Кто сейчас в поместье? — спросил Генри.

— Мой констебль Миллер. Я велел ему опечатать вход в библиотеку и никому не разрешать туда входить. В доме находятся сын Ричарда, Эдвард, его дочь Клара, управляющий Прайс и служанка. Врач из Беллмура должен прибыть минут через двадцать.

Картер посмотрел прямо на Рида.

— Ты хочешь, чтобы я поехал с тобой, — проговорил Генри. Это не был вопрос.

— Я хочу, чтобы ты посмотрел на место своими глазами до того, как там всё затопчут, — откровенно ответил Картер. — Ричард был сложным человеком, Генри. Но если это не естественная смерть, мы должны сделать всё идеально с первой минуты.

Генри поднялся из-за стола. Утренний ритуал был окончен.

— Дай мне три минуты, Джеймс. Я переоденусь.

Он поднялся на второй этаж. В своей спальне Генри быстро снял халат, надел тёмно-синий шерстяной костюм строгого покроя, свежую белую рубашку и тёмный галстук. Затем зашёл в кабинет напротив, взял из ящика стола блокнот в тёмном переплёте, отточенный карандаш и складную лупу. Сложив всё во внутренние карманы пиджака, он взглянул на свои наручные часы.

08:08. Значит, на самом деле было 08:12.

Спустившись вниз, он надел тёмное пальто, взял шляпу и вместе с Картером вышел на прохладную улицу Беллмура.

Служебный чёрный автомобиль инспектора стоял у тротуара. Двигатель тихо урчал, выталкивая в сырой воздух клубы пара. Они сели в салон, и машина мягко тронулась с места, шурша шинами по влажной мостовой Милл-Стрит.

Беллмур пробуждался медленно. Город огибал извилистую реку Белл и казался спокойным в утреннем тумане. Одноэтажные дома из потемневшего от времени камня, старая ратуша, церковь Святого Михаила с древним кладбищем, закрытый паб «Белл энд Краун» — всё выглядело мирным. Но Генри знал: в Беллмуре с его восемнадцатью тысячами жителей люди живут поколениями, помня чужие долги, старые конфликты и семейные тайны.

— Что у Хартвеллов с деньгами? — спросил Генри, когда машина выехала за пределы города на северное шоссе.

Картер не ответил сразу. Он переключил передачу, и старенький автомобиль, слегка взвывая мотором, преодолел небольшой подъём перед выездом на Северную гряду. За окнами проплывали последние городские постройки Беллмура — низкие каменные коттеджи с тёмными сланцевыми крышами, палисадники с обнажёнными кустами роз и старая кузница, над трубой которой вился тонкий сизый дымок.

— Прежде чем говорить о деньгах Ричарда, Генри, нам нужно сделать одну быструю остановку, — проговорил Картер, поворачивая руль вправо, к невысокому двухэтажному зданию из потемневшего от сырости песчаника. — Мне нужно взять журнал ночных дежурств и отдать распоряжение Хьюзу.

Автомобиль мягко затормозил около участка Беллмура.

Генри Рид не стал выходить из машины. Он откинулся на кожаное сиденье, поправил воротник пальто и посмотрел сквозь вытертое чистильщиком стекло на Городскую площадь.

Беллмур пробуждался. На противоположной стороне площади старик Уилсон уже отпирал тяжёлый замок своей аптечной лавки, а из дверей пекарни выходил мальчишка-посыльный с корзиной горячих сдобных булок. В этом городке всё казалось застывшим во времени, почти нерушимым. Люди здесь рождались, женились, торговали скотом и умирали на тех же самых улицах, где столетие назад жили их деды.

Дверь участка хлопнула, и на крыльцо вышел Картер. Инспектор на ходу застёгивал плащ, а за ним следовал молодой констебль Хьюз, натягивавший на ходу мокрую фуражку.

Картер сел за руль, стряхнул капли воды со шляпы и завёл двигатель.

— Я велел Хьюзу оставаться на площади, — проговорил Картер, направляя машину по Северному шоссе. — А Миллер уже дежурит у дверей библиотеки в Мэноре. Теперь про деньги Хартвеллов, Генри.

Машина набрала ход, оставляя за собой последние улицы Беллмура.

— Ричард Хартвелл всегда казался богатым человеком, — продолжал Картер, всматриваясь в извилистую дорогу среди вересковых холмов. — Поместье, четыреста акров земли,

акции железнодорожных компаний, счёт в лондонском банке. Но содержание Мэнора — это огромная финансовая дыра, Генри.

— Расточительность ради престижа, — заметил Генри.

— На первый взгляд — всё благополучно, — ответил Картер, всматриваясь в узкую дорогу. — Но в городе шептались, что содержание Мэнора обходится в огромные суммы. К тому же его сын Эдвард... Ты ведь знаешь Эдварда?

— Слышал, — кивнул Генри. — Тридцать четыре года, любитель лондонских клубов и жизни не по средствам.

— Именно. Прошлым летом Ричарду пришлось закрыть крупный долг Эдварда в Лондоне. А пару недель назад пошёл слух, что Ричард собирается продать Восточный выгон — четыреста акров земли.

— Продажа земли для Хартвеллов — это серьезный шаг, — заметил Генри. — Семья владела ею веками. Прайс, должно быть, переживал.

— Прайс отдал поместьем всю жизнь, — согласился Картер. — А Мэри Белл вчера проболталась, что Ричард собирался уволить Прайса со следующего месяца.

Генри аккуратно зафиксировал эту деталь в памяти. Увольнение. Продажа земли. Финансовые проблемы сына. И некоторое время смотрел в окно автомобиля. За стеклом медленно проплывали мокрые изгороди, фермы и редкие придорожные дома. Туман ещё не успел рассеяться окончательно, и Беллмур постепенно исчезал за ними, уступая место холмам и открытым полям.

— А сам Прайс? — спросил Генри после короткой паузы.

Картер слегка усмехнулся.

— Что именно тебя интересует?

— Его привычки.

— Удивительно скучный человек, — ответил инспектор. — По крайней мере, если верить тому, как он живёт. Встаёт рано, работает до вечера, проверяет счета, обходит территорию. По слухам он посреди недели после работы неизменно идёт в «Белл энд Краун».

— По слухам?

— Его там видят полицейские, которые совершают обход. Говорят, он занимает один и тот же столик у окна, пьет пинту тёмного эля. Потом возвращается в Мэнор.

Генри чуть повернул голову.

— И никто не считает это странным?

— В Беллмуре странным считается скорее человек, который вдруг меняет привычку, — ответил Картер. — Мы маленький город. Здесь знают, кто покупает хлеб по вторникам, кто ходит в церковь по воскресеньям и кто каждый вечер закрывает ставни ровно в девять.

Генри тихо усмехнулся.

— Полезная особенность маленьких городов.

— Иногда, — согласился Картер. — А иногда ужасная.

Генри ничего не ответил.

— А его дочь, Клара? — спросил он.

Картер нахмурился.

— Клара практически перестала общаться с отцом после смерти матери пять лет назад. Вернулась в Мэнор недавно. Говорят, она так и не простила Ричарду то, как умерла миссис Элеонора.

Машина миновала старый каменный мост через реку Белл и повернула к воротам Хартвелл-Мэнора.

Промчавшись по длинной липовой аллее, где мокрые чёрные ветви деревьев переплелись над дорогой, машина затормозила на широкой гравийной площадке перед домом.

Хартвелл-Мэнор встал перед ними во всём своём суровом величии. Трёхэтажное здание из тёмно-серого песчаника выглядело внушительно, но острая наблюдательность Генри сразу отметила признаки упадка: отставшую черепицу на восточном крыле, старую краску на рамах и заросли сорняков по краям гравийной дорожки.

Картер выключил зажигание. Двигатель заглох.

— Мы на месте, — произнёс Картер. — Пойдём, Генри.

Генри Рид вылез из машины, поправил шляпу и глубоко вдохнул влажный воздух. Он не спешил к крыльцу. На секунду Генри задержался на гравии, окинув взглядом фасад дома, окна первого этажа и темнеющий за западным крылом стеклянный купол оранжереи.

Он знал: где-то там, за этими толстыми каменными стенами, скрывается правда. Человек не способен полностью стереть своё присутствие — он всегда оставляет след в паузе, в жесте или в изменении привычного порядка вещей.

Генри поднялся по каменным ступеням крыльца и вслед за Картером переступил порог Хартвелл-Мэнора.

ГЛАВА 3

Первый след

Прихожая Хартвелл-Мэнора осталась позади, а вместе с ней — и редкие, неуверенные звуки просыпающегося дома. Коридор первого этажа, застеленный тёмно-синей ковровой дорожкой, глушил шаги, превращая их в едва слышное шуршание. В этом крыле Мэнора пахло не обжитым жильем, а старой дубовой мебелью, воском, застоявшимся печным дымом и холодным, сырým камнем.

Генри Рид шел чуть позади инспектора Картера, внимательно фиксируя боковым зрением каждую деталь. На стенах коридора висели потемневшие от времени гравюры с изображениями видов Суссекса и старые портреты Хартвеллов в массивных позолоченных рамах. На полированном столике-консоли стоял подсвечник с застывшими подтёками стеарина. Ничто здесь не менялось десятилетиями, и всё же в самом воздухе чувствовалось смутное, невидимое смещение привычного порядка вещей.

Перед высокой двойной дверью из тёмного полированного дуба Картер приостановился и повернулся к Генри.

— Констебль Миллер дежурил у двери последние сорок минут, — вполголоса произнёс инспектор. — По его словам, внутрь никто не заходил. Семью я велел собрать в малой гостиной в левом крыле.

Генри молча кивнул. Он достал из внутреннего кармана пиджака свой блокнот в тёмно-кожаном переплёте, отточенный карандаш и складывающуюся металлическую лупу.

— Начнём с порога, Джеймс, — тихо сказал Рид. — Не спеши шагать внутрь.

Картер осторожно взялся за массивную латунную ручку и толкнул правую створку двери.

Библиотека открылась перед ними во всём своём строгом, угрюмом объёме. Это была просторная комната размером примерно восемь на шесть метров с высокими, четырёхметровыми потолками, украшенными потемневшей лепниной. Вдоль всей восточной и северной стен тянулись встроенные шкафы из тёмного ореха, плотно забитые фолиантами в кожаных переплётах. На западную сторону выходило одно высокое стрельчатое окно с мелкими переплётами рам, сквозь которое пробивался тусклый, серый свет ноябрьского утра.

Первым, что ощутил Генри, едва переступив порог, был холод. В комнате было пронизывающе сыро, словно окно оставалось открытым всю ночь. Но стрельчатое окно на западной стене было плотно затворено, а его стекла изнутри покрылись тонкой пленкой испарины.

Вторым был запах. Это была сложная смесь затухающего дубового дыма, старой бумаги, пролитого виски и какого-то иного, совсем легкого аромата — сырой земли, хризантем и сушёной лаванды.

— Свет, — тихо заметил Генри, указывая глазом на стол.

В центре комнаты на массивном письменном столе из махагони всё ещё горела настольная лампа. Её зеленый стеклянный абажур отбрасывал круг мягкого изумрудного света на полированное дерево, скомканные бумаги и хрусталь. В утреннем сером полумраке этот одинокий огонек выглядел странным, чужеродным остатком ушедшей ночи.

В глубоком кожаном кресле за столом, спиной к камину и лицом к двери, сидел Ричард Хартвелл.

Генри Рид не стал сразу подходить к телу. Он остался стоять у порога, заставив себя выдержать паузу в две минуты. Это была его древняя полицейская привычка: дать глазам привыкнуть к геометрии комнаты, а разуму — впитать пространственные связи между предметами до того, как мысли начнут строить первые, опасные теории.

Картер осторожно сделал два шага по восточному ковру, но Генри поднял руку, останавливая его.

— Посмотри на гобелен, Джеймс, — вполголоса произнёс Рид.

На боковой, западной стене библиотеки висел тяжелый старинный гобелен с изображением сцен королевской охоты. Его тёмные, выцветшие нити изображали собак, всадников и раненого оленя. Нижний край этого гобелена, едва касавшийся паркета, слегка, едва заметно дрожал.

Генри подошёл ближе к гобелену, не касаясь его руками. Из-под нижнего края ткани тянуло явственным, пусть и слабым, потоком ледяного воздуха.

— За гобеленом боковой проход? — спросил Рид.

— Да, — Картер нахмурился, вглядываясь в ткань. — Боковая дверь. Она ведёт прямо в оранжерею. Мэри Белл сказала, что этой дверью обычно пользовался сам Ричард или Прайс, когда нужно было пройти в сад, не огибая весь дом через холл. Но Мэри клянётся, что Ричард всегда запирает её на засов перед сном. Он терпеть не мог сквозняков.

— Засов, говоришь? — Генри слегка наклонился. На паркете прямо под гобеленом лежал крошечный сухой предмет.

Рид достал лупу, раскрыл её и осторожно пригнулся. На тёмном дубе паркета лежал одинокий, сморщенный лепесток сушёной лаванды. Он был абсолютно сухим и не имел отношения к оранжерейным живым цветам. Генри аккуратно зарисовал его положение в блокнот, не притрагиваясь руками, и лишь затем распрямился.

— Пойдём к камину, — тихо сказал он.

Камин из тёмного мрамора располагался на южной стене, по правую руку от письменного стола. В его широком зеве на чугунной решётке лежал пепел.

Генри опустил на одно колено перед каминной решёткой.

— Мэри Белл сказала, что вчера вечером она положила сюда четыре тяжелых дубовых полена, — уточнил Джеймс.

— Сухое, плотное дерево... — задумчиво произнес Генри.

Он внимательно осмотрел этот слой золы через лупу.

— В этой комнате ночью был не просто сквозняк, Джеймс, — произнёс Генри, поднимаясь на ноги и вытирая пальцы платком. — Здесь был настоящий аэродинамический коридор. Воздух входил из оранжереи через боковую дверь и уходил прямо в каминную трубу. Поток был настолько сильным, что дубовые полена сгорели дотла за пару часов, а золу выдуло к задней стенке.

— Кто-то оставил дверь в оранжерею открытой? — спросил Картер.

— Или открыл её специально, — отозвался Рид, поворачиваясь наконец к письменному столу. — Теперь посмотри на стол.

Письменный стол из махагони был главным объектом в комнате. На его суконном зелёном покрытии царил порядок, который бывал только у людей чрезвычайно дисциплинированных. Слева лежала стопка гербовых бумаг с аккуратно уложенным сверху перламутровым пенсне. Генри мельком взглянул на верхний лист: это был договор купли-продажи Восточного выгона. Четыреста акров земли. На полях договора были сделаны короткие, размашистые пометки.

Рядом стоял фарфоровый чайник и чашка с недопитым чаем. Чай давно остыл, покрывшись тонкой маслянистой пленкой.

Но прямо в центре стола стояли два хрустальных стакана с толстым, фасеточным дном.

Генри подошёл ближе, держа руки за спиной.

Первый стакан стоял ближе к креслу Ричарда, по правую руку от него. На его дне оставалось около полусантиметра тёмной, янтарной жидкости. Но на хрустальных стенках и на самом дне четко просматривался тусклый, густой осадок микстуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.